

Курков

Андрей

**ПОСЛЕДНЯЯ
ЛЮБОВЬ
ПРЕЗИДЕНТА**

Харьков
«Фолио»
2014

Киев. Май 1975 года. Воскресенье. Ночь.

В воздухе — смесь запахов цветущих акаций и каштанов. Мне четырнадцать лет. Я возвращаюсь пешком с легкой пьянки, из центра. Иду по совершенно безлюдной дороге. Улица Туполева. Слева — авиазавод, справа — забор овощной фабрики. За забором — легкое зарево искусственного рассеянного света: в теплицах не дают спать ранним огурцам и помидорам. Издалека слышны шаги человека. И мои шаги тоже. Я подстраиваю свой ритм под ритм чужих шагов. Я иду шаг в шаг с кем-то, идущим мне навстречу. Потом вижу его. Он идет по другой стороне дороги — мы соблюдаем традицию правостороннего движения (хотя я еще не знаю, что существует левостороннее). «Откуда идешь?» — кричу я своему, похоже, ровеснику. «С Блюхера на Святошино!» — отвечает он. «А я с Саксаганского на Туполева!» Потом мы кричим друг другу: «Удачи!» И проходим мимо. Расстояние между нами начинает увеличиваться. Я сбился с ритма его шагов, постепенно его шаги затихли, как затих в моем теле недавно выпитый портвейн. Справа появился наш местный «то-ли-парк-то-ли-сад», за которым начинаются шахматные ряды «хрушевок». Первый ряд — это «шестнадцатые» дома, я живу во втором доме второго ряда. Восемнадцать-А. На пятом этаже. У меня в кармане ключ, которым я должен очень тихо открыть дверь. Но, уже свернув во двор, я вижу, что у нас на кухне горит свет. Меня ждут... Будет десять минут скандала. Потом все затихнет. И наступит понедельник.

Киев. Май 2015 года. Понедельник.

Веснушки появились на моем теле совершенно неожиданно. Через месяц после операции. Сначала на груди, потом поднялись до плеч и покрыли предплечья. Постепенно они обрыжили все мое тело, даже тыльные стороны ладоней и пальцы. Дерматолог только пожал плечами. Сказал, что на лишай это не похоже. Скорее всего, сказал, это связано с генетикой.

— Господин президент, у вас в роду были веснушчатые? — спросил он.

— У нас в роду были инсульты, инфаркты и рак молочной железы, — сказал я. — Не было близнецов и туберкулеза. О веснушках я не знаю.

Тем не менее, я просмотрел все семейные фотографии, лежавшие в двух старых кожаных портфелях на антресолях. Вкус антресольной пыли до сих пор ощущается у меня на языке. А на черно-белых снимках я не увидел ни одного явно веснушчатого лица. Зато оживил в своей памяти лица сестер, братьев, дядьев и теток.

Профессор-онколог, которого мне вызвали на следующий день, отверг идею рака кожи.

— Рак — явление очаговое, а вы покрыты веснушками с ног до головы. Не беспокойтесь. Вы же видите, как меняется климат. Глобальное потепление... Тут могут быть десятки причин, но кожа у вас — здоровая. А что это за шрам? Операция на сердце?

Шрам стал моим слабым местом. Сразу после операции. Когда я его пристально рассматривал в зеркале, то заметил, что именно линия шрама была эпицентром моих веснушек. Собственно, линия была одной сплошной вытянутой тонкой веснушкой. Хотя это и звучит странно, ведь веснушка — это точка, а точка вытянутой быть не может.

Киев. Март 2015 года.

Я очнулся после операции ранним утром. В двухкомнатной палате-люкс кровать стояла прямо под широким окном, выходящим на восток. Я открыл глаза и тут же зажмурил их. И услышал пение птиц. Не нынешнее, а словно из прошлого. Раньше птицы пели по-другому. Задорнее, что ли. Знаете разницу между звучанием компакт-диска и пластинки на 78 оборотов, поцарапанной и залитой чаем или пивом? Пластинка звучит «грязно», но правдивее. Вот и птицы раньше пели правдивее, а теперь я им не верил. Как не верил телевизору, сообщавшему, что я просто простудился и поэтому мой визит в Малайзию перенесен на июнь.

— Птицы плохо поют, — сказал я помощнику, дежурившему на стуле возле двери.

Его рука потянулась к тумбочке с телефоном. Но тут он еще разок с опаской оглянулся на меня. Кивнул и вышел. Через пять минут я услышал за окном негромкую возню. Помощник вернулся и попросил потерпеть еще минут десять.

Через десять минут возня действительно прекратилась, а еще через несколько мгновений запели птицы. И запели они действительно хорошо. Радостнее и оптимистичнее.

Впрочем, мне это было уже не важно. Я поинтересовался у помощника: как им удалось улучшить пение птиц. «Поставили под вашим окном три кормушки с витаминизированным кормом».

Это утро под окном, выходящим на восточную сторону, один в один повторило другое утро — 1965 года, когда я точно так же зажмурился. И птицы теперь за окном пели так же радостно. Тогда я проснулся четырехлетним ребенком, а сейчас мне пятьдесят четыре. Я капитально отремонтирован лучшими хирургами. За дверью моей палаты дежурит охрана. Мои врачи пишут отчеты о состоянии моего здоровья. Мои помощники пользуются моим отсутствием, чтобы пропихнуть своих друзей поближе к бюджетным деньгам. Но мне не хочется об этом думать. Я прокручиваю

в памяти пение птиц 1965 года и сравниваю с теми трелями, которые слышны за окном сейчас. Веснушки еще впереди. Грудь стянута и словно зажата в тисках. Шов должен срastись. У него нет другого выхода.

4

Киев. Март 2015 года.

— Ну как самочувствие, больной? — Главврач наклоняется над моим лицом, и я с удивлением вижу на нагрудном карманчике его белоснежного халата ручную вышитый голубой тризуб.

Главврачу не больше пятидесяти, но густые седые волосы, зачесанные волной набок, придают его облику патриаршнее величие.

— Вот, возьмите, пожалуйста. — Он вытаскивает из кармана халата конфету «Ферреро Роше» и протягивает мне.

Я заглядываю ему за спину — никого нет. Станный жест!

— А с какой стати вы предлагаете мне это? — спрашиваю я стальным голосом.

— Это всем. — Он делает полшага назад. — На этом этаже при обходе каждому положено по конфете. — И он, чтобы подтвердить правоту своих слов, достает из другого кармана халата пригоршню круглых конфеток. Сразу прячет их назад. — Все это входит в стоимость курса лечения... Или, может, вы спрашиваете, почему не отечественные конфеты?

— Нет. — Я уже успокоился и протягиваю руку, чтобы получить положенное. — Давайте!

— Если вы не против, мы можем вам разрешить принимать посетителей. Начиная с сегодняшнего вечера. Но не больше двух часов в день.

— Может, еще рано? — с легкой надеждой спрашиваю я.

— По правде говоря, рано, но ваш глава администрации мне угрожает. Если можете, скажите ему сами!

Я вздохнул.

— Ладно, будем принимать. — Я оборачиваюсь к помощнику. — Список посетителей уже у тебя?
Он кивает.

5

Киев. Май 1977 года.

Самым удивительным подарком на мое шестнадцатилетие оказался выжиматель для угрей. Его принесла Жанна. На самом деле в маникюрном наборе, привезенном ее отцом из Сирии, лежало два таких выжимателя: для крупных угрей и для мелких. Для крупных она оставила себе. Позже она показывала мне этот набор — десяток хромированных инструментиков с перламутровыми ручками. Для удаления забившейся под ногти грязи, для отжимания и мягкого обрезания заусениц и прочее. А вот назначение двух инструментиков, похожих на миниатюрные ложечки с аккуратной дырочкой посередине, она поначалу понять не смогла. Но инструкция на арабском сопровождалась рисунками. И все мгновенно стало ей ясно. У нее были большие угри на лбу, а у меня маленькие на носу. На носу я и опробовал ее подарок. За столом как раз пили за мое здоровье, а я, закрывшись в ванной комнате, нос к носу со своим зеркальным отражением, подносил выжиматель дырочкой к очередному угрю и вдавливал маленькую ложечку в нос. Белый длинный угорь тотчас проходил сквозь аккуратную дырочку, словно нитка сквозь ушко иголки, и сворачивался малюсеньким ужом. Я сдвигал ложечку в сторону и подносил очередного побежденного врага к глазам, после чего вытирал его с ложечки кусочком туалетной бумаги.

Когда я вернулся к столу, нос у меня был краснее морковки. Настроение равнялось выпитой бутылке красного шампанского. И самые теплые взгляды я дарил в этот вечер Жанне. А когда мои родители демонстративно ушли в кино, мы потушили свет, включили магнитофон и объявили белый танец. Конечно, меня

пригласила Жанна. И с этого начались наши романтические встречи. Кстати, угри на ее лбу вскоре пропали. А я вышел из возраста полового созревания. Проще говоря, созрел.

6

Киев. Март 2015 года.

Первым посетителем, принятым мною в палате-люкс, оказался вице-премьер по гуманитарным вопросам. За полчаса до его появления в палату принесли два кожаных кресла. Мою «умную» кровать подкрутили так, что я мог в ней полусидеть. К ней прикрепили столешницу — чтобы было куда поставить стакан чая и положить бумагу с ручкой. Список посетителей я тоже получил за полчаса до начала официального приема. Пробежал его взглядом, вычисляя, чем расплачивались некоторые из предложенных посетителей, прежде чем их утвердил в списке глава администрации. На три фамилии у меня была устойчивая аллергия. Совершенно не хотелось заниматься вопросами сталелитейной промышленности. Эти фамилии я вычеркнул. И только потом обратил внимание, что в конце списка стояла незнакомая женская фамилия, а список замыкал сам глава администрации — Коля Львович.

«Ладно», — подумал я и кивнул помощнику, стоявшему у дверей в полном молчании и неподвижности.

Вице-премьер был человеком приятным, идеалистом в политике и прагматиком в личной жизни.

— Господин президент, — начал он, — надвигается катастрофа!

— Гуманитарная? — перебил я, стараясь перевести его с, видимо, заученной и отрететированной речи на нормальный человеческий диалог.

— Что? — Он опешил.

— Катастрофа гуманитарная? — переспросил я.

Вице-премьер вздохнул.

— Да, — сказал он. — Вы же знаете — двадцатипятилетие независимости почти совпадает со столетием Октябрьской революции. У нас же до сих пор ни патриотизма, ни национального возрождения не наблюдается. Если мы не сделаем к юбилею независимости решительного и грандиозного в идеологическом смысле шага, то Россия нас с празднованием столетия революции задавит! Я принес предложения. — Он показал плотную папку.

— Оставляй! — кивнул я.

— Я вам вкратце объясню...

— Очень кратко!

— Я разговаривал с высшим духовенством. Они согласны. Надо ввести торжественную церковную клятву на Библии на верность Родине. Понимаете — выдача паспортов совершеннолетним в церкви, в торжественной обстановке. Паспорта выдают священники. Под это будет написана особая молитва. Все на «державній мові»...

— Это ты со всеми церквями обсудил?

— Нет, только с Филаретом.

— А что же делать с крымскими татарами, католиками и православными Московского патриархата?

— Так я вот... думал, под эту идею можно было бы признать Церковь Киевского патриархата государственной...

— Опять?! Ты сначала объедини все православные церкви, а потом будем дальше разговаривать!

— Но это же невозможно! — Глаза вице-премьера округлились и стали по-еврейски мудро-смирненно-печальными.

— Ищи новые пути! — посоветовал я и перевел взгляд на помощника.

Вице-премьер понял, что его время истекло.

— Напомни мне после приема об этих двух юбилеях, — приказал я помощнику, когда первый посетитель ушел.